

Тот ли, нет ли?

– Будем знакомы – Лёха. – Взгляд искоса, и веко подёргивается. Подмигивает? Швелюра огненная, колечками. Лицо...нет, не славянское, разбери-пойми, кто такой. Физиогномика лошажья, прищур кислотово-скептический, усмешка чуть презрительная. Лет ему, по виду, уже за тридцать. А голос чей тогда, – больно уж молодой.

– Лёха – это как, Леонид или Алексей?

– Мне без разницы. Скажешь: Алексей – ни один опёнок не оглянется, а Лёху рыжего любая собака узнаёт. Давай сразу по существу, без увивки: давно ты ко мне приставлен?

– Приставлен? В каком это смысле?

– Следишь – давно? Только не ври, всё равно засветился.

– С чего мне следить-то? Ты...ты же сам подошёл ко мне.

– Ты стал заикаться, а сам ведь не заика. Да ладно, шуткую, я помню тебя.

Старик Хейдеггер нас заметил, в горб исходя, благословил. Вспомнил?

– Ты – тот самый? Правда? Да нет, тот был не рыжий.

– Седеть, блин, начинаю. А рыжим лафа: к евреям пристроился – в лабораторию взяли. Там они крыс режут, собак пластают и обо всём вольно базарят, без опаски. Их не трогают, не как у вас и у историков. Так о чём ты хотел поспорить-то? Вижу, вижу – хотел. А может, в забегайловку? Для расслабухи полезно, а? Пошли вниз, по Нарымскому тракту, у меня дружан на пивзаводе, татарин. Ты нефильТРованное пил? Вижу, поддаёшь. Непьющий русак – сам в себе глист.

Смотрит как будто мимо, а сам разглядывает. Улыбка от сардонической перекатывается в ехидную. Глаза, немного навькате, то уходят в себя, то уплощаются под монгола.

– Расшифровал портрет? Характер нордический, а нос прожидью отдаёт. Так по-вашему?

– Да нет... А чё, правда отдаёт? И большая она?

– В процентах десять-двенадцать. Не считается, так ведь? У Ленина и Гитлера по двадцать пять было.

– Тогда скажи честно: дневник пришельца – твоя работа?

– Дневник? Писал когда-то, в юном цвете. В Сибири все пришельцы, без долгой памяти. Прибыли, чтоб всё забыть. Что нет, не такие мы?

– А по специальности кто? Для души чем живёшь?

– Эсхатология. Хороший проект конца света всех наук стоит.

– Какая тут наука? Что астрология, то и эсхатология. Так, значит, пишешь проект конца света?

– По вере нашей, как говорится. Миру ли провалиться или мне водки не пить? Ио решает: не пить, Сизиф – пить... Ты вот у причастия бывал?

– Один раз – да, а повторить не тянет как-то. Староверы сразу не допускают, я и пошёл к никонианам. А бабушке обещал... Ты к чему про исповедь-то?

– Покаялся, что ты лектор?

– На исповеди?.. При чём тут? Работа как работа.

– Актёров до причастия не допускали. Не знал? А лектор – тот же актёр.

– А если он покается? Ему простится?

– Покается – значит отречётся. Тогда он расстрига, на лекцию – ни ногой, а то грех удвоится. Хотя многие всю жизнь каются и опять грешат. Ты же полуневер? Так ведь?

– Как сказать... не люблю упёртых атеистов – а вдруг там... И разбег галактик ничего не объясняет, не тут вера.

Лопухами, колючками – тропа в центре города. Дом комбата ведь сзади? Ну да, его задворки. Там – парадные надписи, а тут – задник. Жестяной обрывок плаката остался: Народы мира, объе... в борьбе за комму... Ветер времени играет с ним, и плакат скрипит-жалуется: при-кинь – фру-стра-ция.

– Вот тут мой стратегический запас, непрокисновенный.

Подымает самый большой лопух, а под ним – фонарный плафон в сетке-авоське. На полпути к пивному разливу, на обочине Нарымского тракта – стратегическая закладка.

– Универсальная посуда. Пять литров входит... Ну, так как ты по основному вопросу?

– Это по какому – по философскому?

– По русско-еврейскому. Кто нужней, чья будет победа?

– Кто меньше нагрешил... Если в общем масштабе.

– В каком – в христианском? Евангелие от Иуды читал? Гностическое, значит, не читал. Иуда понимал, что Иисус – дух, значит мука на кресте – мираж, внушеньё. Иуда, он задавал вопросы на засыпку: зачем была крестная мука, если апокалипсис назначен? Если по образу и подобию, то почему потоп? И вообще, зачем было первое пришествие, если второе всё смахнёт и большинству – казнь вечная, ад? Прячешься от таких вопросов? Значит, веришь и стыдишься.

– Иуда повесился. Есть высший закон.

– Это кто доказал? Своё евангелие написал и – на осину вешаться? Нет там осин. Иуда, он из тех, кто разгадывал чёрную дыру. Понял?

– Отморозок он, твой Иуда. Во тьму поверил.

– Э-э, зря не брякай. Он оценил, что двойник полезен. Ты вот с двойником побоишься встретиться? За второй банкой сходим – появится. Боязно? Во мне неясный страх возник, что я лишь чей-нибудь двойник. Узнаёшь это?

Дыра в заборе, и в ней торчит ко всему готовая башка коренной тюркской выкройки.

– Как вчера, полную?

И покатила плотная коричневая влага в глубины подбрюшные. Видно, пьют тут избранные, ведь нефильТРованное на базаре не продают, в обкомовский буфет возят.

– Вкуснотень! По мозгам – не хуже солнцедара. Сразу отпускает... Слушай, а как ты к слухам про пришельцев? Как думаешь, инфляцию они остановят?.. Я сперва-то не очень, смеялся, а теперь думаю: а чё это так много про них. Земля понравилась? Она у нас как девка в бешеной поре – и понесёт, и выкинет. А они хитрые.

– Я – за: они удвоят смысл, а это запас, надёжнее. Будешь спорить? Земное стадо в избыточном поголовье, и всё плодится. Придётся им всех старше двадцати лет в расход пустить.

– В расхо-од!? А отбирать кто будет?

– Сами друг на друга напишем, и грязную работу сами сделаем. Я давно эту тему понял, поэму кропаю. Тема самая горячая: прорыв из застоя, отрясаем прах, а журналы не берут. Говорят: несерьёзно. А масштаб тут – крупняк, загляд за горизонт. Когда Денница спустился на землю, он заскучал тут – дай-ка, мол, сварганю историю... Обольщу их, хомячков, чёрной дырой.

– И чё там, в дыре той?

– Как что? – центр галактики. Кто не мечтал полететь туда? Хочешь с ними? Друг был у меня в другой жизни, поэт. А я в другой жизни был критик. Поэт меня просил: подписывайся геморроем, нижней кровью пишишь. Ты подпи-шешь?

– А с меня – что тогда? Чё взамен?

– Весь как тромбон станешь, всё подтянуто и гудит звучно. Мильён овцетёлок – вот оперативный простор. Не тушуйсь и не менжуйсь, всё вернём.

– Да хрен с ним, подпишусь, терять нечего. Ты – как Горе-Злосчастье, а я – как тот Молодец. А и лыком Горе подпоясано, что не быть кудрявым плешатому...

– Своей кровью, твоей, понял? И на твоём платке. Слабо?

– Да чёрт с тобой, вот мой платок, на, ни разу не сморкался.

– Кровью, только кровью. Ну как? Бритовкой, бритвёночкой... ага, есть кровинка. Пиши на платке своём. Подпись кровью – самое надёжное, душу меняешь, как шкуру. Есть последнее желанье?

– Если неправильно, не то выйдет, не по резьбе? А? Не спиться бы мне.

– В тонком теле, понял? Считай себя человеком большого завтра. Пить будешь, спиваться – нет. Совсем другой простор откроется... Зафрахтовать чалдонскую душу – вот сюжет!.. Новая ситуация! Учебное пособие по сексу в тонком теле напишешь. Это на перспективу. Грант дадут, помяни моё слово... Теперь как-то надо вверх ковылять... Нет, пугнуть вас надо, пугнуть, хоть кто-то прозреет. Если на выходе свет не ослепит. Ты, я вижу, всерьёз об аде думаешь. Бывает страшно?

– Э-э, уже всё было... нечего бояться. Ад, наверно, не огонь, это тьма в пустоте и безысходность. Безголосость, безъязыкость... Все потеряли надежду и самих себя. Как здесь, только погуще, покруче. Ждут, что тьма сжалится. Душа – дупло пустое, нет ей роздыху... А тут пиво – ништяк. Как его, без фильтра? Как три семёрки, крепче солнцедара, теперь буду знать.

– Ещё то ли будет, такой ещё штяк! Будем теперь общаться, как Симон-маг с Филоном Мандрийским. Всеум дадим новое имя, на земле всеум и под землёй.

В тонком теле

Вот на тебе – сидит на нашей скамейке, в углу нашей ограды, под молодой кедрешкой. Куртка какая-то водолазная, вид подержанный. Под бомжа косит, что ли?

– Штаны в полосочку, дай папиросочку. – Встаёт рыжий бес, церемонно кланяется.

– Здорово, пришлец! Как живётся-можется?

– Да сверх всякой кармы. Шёл вот мимо, вижу – ты с лекции хромаешь. Я же лозоходец, ну и обошёл ваш домик-теремок. Аномальная зона у вас, особенно чердак. Ты в чужом закуте поселился. Шевели ластами, уходить надо.

– Не пойму, куда клонишь. С чего вдруг уходить?

– Глаз тебе открыть надо, хоть один. У тебя двойник нашёлся, задрочит он тебя. Узнай: полтергейст у вас в мансарде, подселенец.

– Ну, привет... понёс оккультиячину... Нет, чё, серьёзно?

– Ещё как! Доведёт тебя до петли и с женой спать будет.

– Кто, домовый-то?! Они же бесполое.

– А в тонком теле и они не прочь. И вообще – по обстоятельствам. Явится то сватом, то братом и шасть к бабёнке.

– Они чё, в кого хотят превращаются?

– Эх, материалисты, мать вашу! Зачем превращаться? Да любой плюгавый индус тебе скажет: зачем лезть на Джомолунгму, если на ней можно побывать в тонком теле?

– Ну, приехали! А зачинать кто будет – колба взамен бабёнки?

– А ты гляди шире: что у людей впереди? Почве – кердык, а океан не скоро отравишь, в океан уходить надо. Тишина, плыви себе дельфином молодым. А то свою планету изгадили – на чужие собрались. Чуешь нить – в океане очищенье?

– В океан-а?! По огню же заскучают. По избе, по лесу.

– Там – только этап. Обновленье видовое, а после уж взнезменные фазы.

– И много их, фаз-то?

– До подчиненья галактики. И жить вопреки тяготенью. Лететь сквозь чёрные дыры.

– Лете-еть? Всё мимо, и всё не мило? Всё заменить, ни к чему не привязываться... А вечность – её тоже отменить надо?

– Заскулил Иов. Что ты знаешь о вечности? Понять её – можешь? Нет, никто из людей не способен. Представь: вот фотон, а в фотоне – метагалактика. И метагалактика – фотон, так идёт бесконечно вверх и внутрь. Есть там место для тебя?

– Ну, во-первых, ещё не доказано, что так, а во-вторых, я тоже об этом думал. В принципе – что это меняет? До Бога так и так далеко. А у пузыря есть своя надежда.

– О да, задумался пузырь: даёшь спасенье в вечности. Что тут, на Земле, спастись? Загон с вшивыми овцами надо населить сверхкрупными блохами – тогда в океан побежите.

– И в чём выигрыш-то? Океан тоже загажен. Такой ли ещё хренью обернётся...

– А вот посмотришь: здесь не осталось тебе места. Сдал редут в постели – сиди на завалинке, листай Киркегора... Нет, вздрючка, обязательная, жёсткая. Я вот чему поражаюсь: ты до сих пор голоса не слышишь. Чем защищён? Я так сразу начал с ними общаться. Они же не принуждают, только предлагают: давай улетим.

– Куда?.. И ты что, согласился?

– Само собой, разумеется. А ты что, лишайник этот променяешь на солнечные земли? Ну, отдыхай тогда, до встречи. Посмотрим, как скоро сломаешься. В постели за тебя полтергейст поработает, на кафедре – гуменник. Ты же любишь их – банников-гуменников?

– Да, с ними как-то уютней... Ну, будь здоров. Гроши заведутся – свидимся, заквасим.

По ступенькам, по скрипучим, по родненьким да по еловеньким – к себе домой, в скворечник. Дома она. Сидит заспанная в одной сорочке. Чего это – середь дня-то? Постель смята, подушка на полу. Бюстгальтер и трусики на спинке стула. И глаза какие-то сонно-отрешённые и тепло-радостные. Целую минуту не видит, не слышит.

– Забыл чего? Чё вернулся-то?

– Как чего? С утра ни крошки во рту.

– Да ладно, кончай разыгрывать. Ты же куда-то спешил сейчас... Я всё ждала, когда удивишь. Вот, наконец-то. Давно так хорошо не было. Я уж думала – всё, нажились. А тут – два моих раза за твой один. Молодец, накопил силы. Я же говорила тебе: бери сосок губами – и всё образуется.

– Ты о чём?.. Стой, у тебя был кто-то? Кто здесь был, а?

– Чё опять? Совсем уже... Только что ушёл и спрашивает. Даже когда хорошо, всё он испортит. Чё случилось-то? Чё ты вернулся как ошпаренный?

– Да откуда? Откуда вернулся? Я же утром ушёл, ещё утром... Что тут было?

– Да пошёл ты! Давно лечиться надо. – Взвизгнула, лицо перекопилось. – Утром он ушёл! Хочешь, чтоб и я такой же стала? Не дождёшься. С утра ушёл он... иди назад – к патологнату. И не приближайся даже, пока справки не будет. Всё, с меня хватит. Вот дура, вышла за неудачника.

– Тё-тё-тё! Сама сильно продвинулась – машинисткой стала. От бабы же в первую очередь зависит.

– Чё зависит?

– Семья, что ещё.

– А где она, семья? В этом чуланчике, – чё смеяться-то? Он же ещё издевается.

Вниз теперь, туда, под кедр. Никого тут, пусто. Это что – наваждение? Господи, что всё это значит? Есть смысл во всём или нет ничего?

В тонком теле... как на Джомолунгму. Наехало – и ты не веришь. Нужны капли с Урана. Пришельцы, всё пришельцы... А где, кстати, их женщины, почему не видно? Значит, дефицит их там, недостача. Вот что гонит их сюда – нехватка слабого пола. Ототрут нас, как пить дать отеснят. Загонят в щели, а баб разберут поштучно.

Ну, её-то понять можно – у неё явное сексуальное дарованье. Причём яркое

и проверенное. Как же ей, бедной, трудно сейчас! Тут виденья неизбежны, опять же ассоциации по Фрейдю. А может быть, есть они, барабашки? А мы не понимаем, считаем: у всех свои тараканы... И что теперь – уходить куда-то? В таёжную избушку, там можно мыслить. Нет, туда молиться уходили. А не всё ль равно – где? Было бы чему молиться. Или важно – от чего? От тьмы вселенской...

А не один ли хрен тебе, что там с галактиками?.. Нет, всё же лучше, если там по грибы ходят, у костерка сидят. Там же, как в детстве, всё на своём месте: пахут, избы строят, время от времени судачат о конце света. Смысл жизни знают – не теряли ещё. Там он везде – в горшках и солонках, не утёк ни в бумагу, ни в машины. И на себя не озлились, на пустоту вокруг.

После нас

Не тут ли место твоё, не здесь ли взвешивают дела наши? Малый лабиринт, с усмешливым названьем – психодиспансер. От распределять: здесь психов накапливают и сортируют по рангам. Смотри, как тихо, даже уютно. И не очередюга былых времён – так себе, номеров каких-то двадцать, и сидят вдоль стены чин чинком. Есть и отдельно мыслящие. Эти по второму, третьему разу, уже обрели здесь отрешённость и в мир возвращаются верными марксистами. Говорят, делались тут недавно дела из разряда гостайны. Но документы надёжно подчищены.

Стигийские тени ведут сократические диалоги. Задержаться, послушать? Говорит пикнический тип астеническому:

– Вот болото осушат – и не станет Нарыма.

– Не говори, щукой свиней кормили, за рыбу только муксуна и нельму держали.

– Хошь расскажу, как Семён Трухин баню сжёт? Это он с муравьями боролся. Они рядом с избой под лиственкой кучу сварганили, а он её завалил навозом. Они перетащили своё хозяйство к бане. Чем он только не поливал – им нипочём. Тогда он солярки плеснул и поджёт.

– Ну и чё? Муравьи только у нас в Нарыме?

– А то, что уехал Семён-то. Они деревню начинали, скулаченные. Тогда мечтали: вот бы Сусанина сюда, заманил бы большевиков в глубь болота, а теперь бы – и туристов туда же. Тогда Нарым уцелел бы.

Ага, это листригоны Нарыма формируют свою платформу. Твёрдая позиция.

Все актуальные темы сейчас здесь. Пришёл час, «Червоный прапор» выстрелил статьёй «Не поступлюсь!» – и население психоприюта сразу утроилось. Ошибку не посмели исправить: сам товарищ Пименов своим именем подписался. Как мышки под ночной горшок, юркнули сюда разом поникшие критиканы застоя. На полусогнутых, с понурыми плечами, друг на друга не глядя. Для того ль, мол, у нас кровь текла по дешёвке... чтоб мы, как они, в джинсах тех и наشلёпка! И правда, на толкучке джинсы сразу подешевели, а не берут.

Здесь шло толкованье статьи. Правда времени сгибала и ставила окарачь. Торопливо исповедовались первому встречному, звали в свидетели благона-

дѣжности. Говорили: товарищ Пименов вернулся в свой кабинет и заготовил бюллетени для психодиагноза. Формулы он знал по прошлым годам. Но сверху дали отбой, и уже сексоты повалили в укывище. Но тут же пошли и батальоны Нострадамусов, возбудились лозоходцы подземных городов, путники по Гиперборее и проводники в Шамбалу.

Нет, не Стикс: никто не плачет, не прощается. И сколько цитат, какая начинанность! Да уж, Афины есть Афины. Негромкое побулькиванье, полусвязный бормоток, друг друга видеть лучше боковым зреньем. В общем-то свои люди, хоть и бывшие. Может, попроситься сюда хоть на месяц? Место тихое, бор за забором, поговорить есть с кем. Разнообразии типов не меньше зазаборного. В каждом есть личность номер два, а в некоторых и номер три. Этот, с перекошенным ртом, наверно, всё потерял, а дух остался. Один предмет гордости – диплом общественной академии.

– У фаэтян, я читал, гормональный сбой был, каротина там не хватало. – А, помню его: руки у него старше лица. Студент-калымщик, ремонтировал унитазы и тумбочки после лекций. Из пролетарского наследия – многоэтажный мат. Пришельцу не постичь: то и дело вступает в интимную связь с матерью этого города и даже с матерью всей Сибири. Со всеми, кроме фаэтян.

А вот и сам врач просквозил по коридору, деревянно кивает направо-налево. Оживились, ропот усилился. Пришёл Прокоп – кипит укроп. Прошлый раз я к нему бочком входил, я же не как все, я для профилактики. Что, измены или женская фригидность? Неуверенность в любовной сфере и в результатах работы? Бывает, герой добился высокого места – и запил. На почве тревожности половая неврастения? Лечение самое безобидное – иглоукальванье...

– Я где-то слышал термин: синдром чужеумия. Это про чипы, или бывает без зомбирования?

– Какие симптомы? Голоса есть ночью?

– Где, во мне? Нет, что вы, меня не зазомбировали.

– А вообще-то это для вас страшно? Или нет? Литература ведь – самое сильное внушение.

– Литература? Вы считаете: от неё нынче травмы?

– А не навязывайте ей старые роли, отыгранные. Зеркало души! А если привык смотреться в кривое зеркало? Подведи его к не кривому – срыв, ужас. Да, да, встреча с самим собой, настоящим, – тяжѣлый надлом. Был тут у нас поэт-эксибиционист, самовлюблѣнный. Певучие стихи, говорит, теперь одни дураки читают. В любовь по-старому не верят, прошло её время, рисуи кабаньи случки – нарасхват пойдѣт. Вот так самоутверждаются, потом большие площадки отвоѣвывают... Невротикау полезно узнать, что миф о жизненной норме устарел, вредит выживанию, толкает к гаданью. А гадать нынче очень опасно... Да вот, обернитесь-ка.

Картина на противоположной стене – как в лоб молотком долбанула. Большая, в простой раме, двухъярусная. Хорошая графика, не эстамп. Художник по-своему увидел вражду отцов и детей. Два мира, две эры: вверху – драконья реальность, внизу её отраженье в ласковых водах. В верхнем этаже, к скале прижатые, сбили в плотную кучку последние оскалившиеся ящеры, вчерашние

властелины мира, а их оцепила стая гигантских бескрылых птиц, хищники более продвинутые. Третичный период, свои обречённые и победители свои. В водной ряби скала округлилась, стала храмом с куполом, а отцы и дети – торжественное шествие, молебен. Рябь на реке времён...

– Нравится? – любопытствовал психиатр. Оценил ошарашивающую силу искусства. – Помогает ставить диагнозы. Пациент на память оставил. Оригинал, привезли его, три сезона лечили. Циклотимические контрасты резко выраженные. Сам и повесил её, только наоборот.

– Наоборот? Как это?

– Вода в первом варианте была сверху, голая скала снизу. Вверху – молебен шёл, драконы и птицы – внизу. А название – ни за что не угадаете: «После нас». Он так вразумительно толковал картину, записать надо было. Пророческие видения его замучили. Он будто вернулся из долгой командировки...

– И что, застал супругу в объятиях?

– Нет, хуже: побывал в трёхтысячном году. Понятно? – навязчивое виденье. Детали называет подробные – вот и сочли умалишённым. Если бы он сел за книгу, а он ходит и рассказывает... Вред идейный, подрывает веру в светлое будущее. Я тогда уже работал в диспансере, бывал на консилиумах. А сделать ничего уже нельзя было, его раздавили слоновьими порциями мажептила.

– Не вылечился, значит?

– Рисовать перестал. Работает учителем труда, табуретки сколачивает. Туррум-буб-бум.

Что-то своё вспоминается. А стенгазету вёл в школе, стишок свой тиснул к празднику, а у машинистки буква М западала, она стучала Н, а исправить забыли: После нас, потон потонки скажут... Как в передовицах. Благодарность директор объявил бы, если бы не буква. Отняла смысл не баба-дура, а машинка безбуквенная. Надо мной вся школа ржала.

– Почему он бросил-то? Как вы объяснили?

– Если года два так накачивать, фамилию забудете... Та-ак, вы сами к нам захотели или кто-то заставил?

Это в прошлый раз. Ничего на записывал, только подначивал, посмеивался как над подростком. А сейчас выглянул, обежал всех взглядом, на мне запнулся и галантно поманил.

– Я, кажется, не спросил: вы сами к нам или кто-то заставил?

– Жена ультиматум заявила... в половом вопросе, в общем, дисфункция.

– Главное, не зацепляйтесь вниманием. Говорите себе: здоров я, здоров – и живите как все. Павлов человека посчитал за норму, а собаки расплачивались. С другой стороны, в деревнях скотоложцы в старину преобладали. Теперь статистика говорит: перверсия – это общий фон, но уже не со скотами, а как в древнем Риме. Время книжной любви прошло, любовь стала киношной имитацией. А кто ищет той любви, тот в конфликте с миром, с реальностью. Поверьте и поймёте, что случай ваш из лёгких. Я о зоофилах говорю в смысле тенденции – упрощения душевного строя.

– В смысле... прогресса скотоложества?

– Я создаю группы, играют роли, распределяют клички: кто Коза, кто Жере-

бец. Дело хорошо пошло, друг от друга заражаются, поверили в природу. Хотите к ним? По четыре тысячи в месяц. Ну, подумайте, метод одобренный.

– А пришельцы попадают? Считающие себя таковыми?

– Тут то прилив, то отлив, то охлаждение, то обострение. Взрывов на них пока не списывают, чтоб не подорвать веру в террористов и заговорщиков.

И с гламурной ласковостью выставил за дверь. Всё время мимо человека смотрит. Я ещё в дверях, а он уже кинул медсестре: – Юленька, этого парафреника в зелёную папку. Социопатия на почве половой неврастении, ещё придёт.

А в конце коридора, у лестницы, два амбала базарят. Это они Лёху вели в прошлый раз. Рукава сзади скручены были, мордovorоты за локти держали. Взгляд отрешённо-мутный, но узнал сразу. Вплотную подошёл – шаг замедлил:

– Прости, мой друг, но мне пора. Уже сова в окно влетела, и ожиданием топора томится и тоскует тело... Хочешь – во сне увидишь землю через сто миллионов лет? Хочешь?

– Нн-нет, не надо. Нет, не хочу. Вдруг там...

– То-то. Ты всё понял. Я тебя от себя спасал, а не сработало. Чем-то защищён ты.

– Бабушкой, наверно, кержацкими генами...

– Ну, прощевай. Придётся по кротовой норе уходить из свинского пространства.

И потащили его – в неизвестность. А сейчас вот на лестнице те двое, санитары по одежке, диспут ведут:

– Слышал про это, про дыру-то?

– Про форточку? Кто ж тут не слышал. Ловкий гад оказался, аккуратно вылез. Из-за него же Баталина попёрли. Помню я этого рыжего, пришельцем называли.

– Ловкач, сука, как в трубу вылетел. Взбунтовал всю палату, а у нас тямю нет понять. Льяные простыни им давай. Ну, дали на четвёртый день. Он их все на ленты порвал, замочил в писсуаре, верёвки сплёл и за батарею их. А психам велел радоваться, весь этаж поёт, доктора не налыбятся, Артек, а не психушка. А он ночью по первой верёвке на тополь, а с него по второй на забор. После него настоящий бунт пошёл. Всем объясняй, за что закрывают. И не запугаешь ведь. Довольно, дескать, жить на коленках. Хотим, чтоб джинсы тут были у всех, по-американски, а за негров пусть остяки с самоедами.

– А его, рыжего, за что закрывали?

– Вот то-то и оно – никто не помнит. Документов нет. Бомжом считать велели.

Вот, значит, как – по кротовой норе ушёл, наверно. Завинтился – и нет его, как не было. А кто остался?

Редколлегия журнала сердечно поздравляет Александра Петровича с 75-летием и желает ему здоровья и творческого долголетия.